

Е.А. Кашина

**«НИТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ» В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ
СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ: СХОДСТВО
И РАЗЛИЧИЕ ПРЕДМЕТОВ ИСКУССТВА
МАЛЫХ ФОРМ (6000–2700 ВС)**

Е.А. Kashina. 'Threads of interaction' in North-Eastern European forest zone: the mobile art similarities and differences (6000–2700 BC)

The presentation title cites V. Timofeev's abstract published in 1999: 'The population of huge territories of European Russian and Scandinavian forest zone made up the known unity for a long time, tightly connected by numerous threads of interaction'. This assertion fits not only for Early Mesolithic description but for the whole Middle Holocene of North-Eastern European forest zone as well. In this presentation main conclusions of precise mobile art study are given, concerning similarities and differences between different pieces or groups of pieces of art in time and space. In the period of 3500–2700 cal BC a real outbreak of mobile art has taken place. It can be explained by the growth of hunter-gatherer sedentism, possible population increase and intensification of exchange and social (marital) ties. The willing to stress the group/clan identity was the probable reason of different tattoos (detected on clay figurines) and totemic pendants (birds, small mammals, snakes, fish) emergence. At the same time even the large areas of Russian Plain possessed their own specialties in mobile art (Circumbaltic vs center vs north).

Заглавие и тематическая направленность предлагаемого доклада имеет своей отправной точкой цитату из тезисов В.И. Тимофеева: «Население обширных территорий лесной зоны Восточной Европы и Скандинавии длительное время составляло единый мир, тесно связанный многими нитями взаимодействий» (Тимофеев, 1999). Хотя автор имел в виду прежде всего процессы раннемезолитической эпохи, с моей точки зрения, данный тезис как нельзя лучше отражает историческую ситуацию в лесной зоне северо-востока Европы вплоть до эпохи бронзы, особенно применительно к процессам, связанным с бытованием искусства малых форм. Основательное изучение этого комплекса предметов, который насчитывает на данный момент более 650 экз., приводит к выводам о связях между древними коллективами в разное время и на разных территориях (Kashina, электронный ресурс).

Особое значение для рассмотрения этой проблематики имеют материалы финала каменного века, когда в лесной зоне северо-востока Европы повсеместно наблюдается хозяйственно-культурный уклад оседлых охотников-рыболовов (Nordqvist et al., 2015). Начиная примерно с рубежа 3500 лет до н.э. (здесь и далее указан календарный возраст), повсюду происходит всплеск резной скульптуры разных видов, включая появившиеся вновь жезлы с головой лося (которые в реальности, вероятно, и не исчезали с финала мезолита), и ряд локально распространенных категорий орудий и изделий с навершиями в виде антропоморфных и зооморфных голов (ковши, лопаточки, ложки, «кинжалы», «булавки», ретушеры и другие орудия). Лепная скульптура в виде наборов антропоморфных и зооморфных скульптур, возникшая ранее в кругу циркумбалтийских культур гребенчато-ямочной керамики, в это время трансформируется: в циркумбалтийской зоне распространяются плосколицые скульптуры, в Южной Карелии — подобные им, а также скульптуры на венчике сосуда. Зооморфная лепная скульптура практически исчезает, на сосудах появляется динамичная фигура человека в графике и рельефе. Возникает (неизвестно, в каком регионе раньше, но пока предположительно на Валдайской возвышенности) кремневая скульптура и распространяется на огромной территории, не захватывая, однако, территорий Финляндии, стран Восточной Балтии и Республики Беларусь.

Феномен всплеска искусства малых форм, связанный с периодом 3500–2700 (в отдельных областях до 2000) лет до н.э., можно объяснить влиянием разных факторов: оседлости, постоянных контактов между определенными зонами, бассейнами рек, интенсивным обменом как престижными вещами и отдельными видами сырья, так и брачными партнерами (Жульников, 2006, 2008; Петрова, 2010). Наличие постоянных мест проживания должно было усилить стремление каждого отдельного коллектива к самоидентификации, подчеркнуть ее, сделать особенно заметной окружающим «чужим» сообществам. Вероятно, татуировка на севере-северо-западе Русской равнины и в Скандинавии (у лепных скульптур) и резные зооморфные скульптурные подвески на всей территории Русской равнины (особенно многочислен-

ные в центральной части) служили важными опознавательными знаками для разных коллективов. Есть основания предполагать, что наиболее предпочтительными образами первопредков были различные виды птиц (как лесных, так и водоплавающих), а также змеи, менее часто — бобр, выдра и совсем редко — рыба. Представления о бинарных оппозициях (изображение парных персонажей) и ойкуменический характер образов лося и лебедя были, вероятно, характерны для всей территории леса северо-востока Европы.

Несмотря на очевидное взаимодействие, происходившее внутри и между соседствующими регионами, можно все же предполагать, что в духовных представлениях таких крупных ареалов, как северо-запад, юго-восток и север Русской равнины, в финале каменного века существовали различия, довольно ярко выраженные в региональной специфике искусства малых форм и погребальных ритуалов.

Библиография

Жульников А.М. Асбест как показатель связей древнего населения Карелии // ТАС. Вып. 6. Тверь, 2006. Т. 1. С. 330–333.

Жульников А.М. Обмен янтарем в Северной Европе в III тыс. до н.э. как фактор социального взаимодействия // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб., 2008. С. 134–145.

Петрова Н.Ю. Орнаментация волосовской керамики как источник изучения истории населения // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения. М., 2010. С. 107–116.

Тимофеев В.И. О сходных и различных элементах в материальной и духовной культуре мезолита и неолита Восточной Европы и Скандинавии // Локальные различия в каменном веке: Тез. докл. Всерос. конф. СПб., 1999. С. 157–158.

Kashina E. <<https://shm.academia.edu/EkaterinaKashina/Papers>>.

Nordqvist K., Kriiska A., Gerasimov D.V. Reorganization of the Stone Age societies in the Eastern part of the Baltic Sea in the 4th millennium BC: settlement structures, subsistence strategy and communication networks // IV Northern Archaeological Congress. Papers. Ekaterinburg-Khanty-Mansiisk, 2015. P. 133–151.